

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова, О. П. Текстобразующие функции тематической речи в современном английском языке / О. П. Баранова // Лингвостилистические проблемы организации речевого сообщения : сб. науч. трудов / ДГУ. – Днепропетровск, 1985. – С. 45–58.
2. Бырка, М. Г. Тематическая речь в системе способов непрямого передачи чужого высказывания / М. Г. Бырка // Дериватология и динамика в романских и германских языках : межвуз. сб. / Кишинев. гос. ун-т; редкол. : Г. С. Чинчлей (отв. ред.) [и др.]. – Кишинев, 1989. – С.23–28.
3. Чумаков, Г. М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. М. Чумаков; Днепропетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения с Россией. – Днепропетровск, 1977. – 48 с.
4. Моисеева, М. Н. Тематическая речь в рамках категории эвиденциальности: структурно-семантический и функциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Моисеева; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2012. – 23 с.
5. Нурулаев, П. М. Конструкции с тематической чужой речью в современном русском языке / П. М. Нурулаев // Лингводидактические основы обучения языкам : сб. науч. тр. / ТашГУ. – Ташкент, 1988. – С.36–42.
6. Смирнова, А. В. Чужая речь как элемент аргументации в британском газетном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Смирнова; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб, 2006. – 21 с.

The article examines the structural, semantic and pragmatic peculiarities of the thematic speech as one of the hybrid types of the represented speech. The constructions under study are widely used in fiction when the author focuses neither on the form nor on the contents, but only on the topic of someone's words included into the narration.

А. П. Мерчи

Минск, БГУ

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРОПОРЦИИ ПРЯМОЙ И СВЕРНУТОЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЯЗЫКОВОЙ ТКАНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на материале рассказов русских и американских писателей)

На материале рассказов русских и американских писателей (А. И. Куприна, Дж. Лондона, В. А. Пьецуха, Дж. Лахири), написанных в повествовательной форме от 1-го и от 3-го лица, определялись факторы, влияющие на соотношение объемов прямой и свернутой речи. Представление речи персонажей рассматривалось с точки зрения оппозиции «изображения» и «интерпретации» общения: прямая речь позволяла «изобразить» общение героев и служила движущей силой сюжета, а свернутая речь в большинстве случаев «интерпретировала» коммуникацию и делала повествование более динамичным, хотя и менее «живым», сценичным. Наибольший объем прямой и свернутой речи представлен в рассказах, написанных от 3-го лица. Во всех произведениях объем прямой речи превышает объем свернутой минимум в 1,8 раза до максимума – в 111 раз. В тех рассказах, где коммуникация представлена в большем объеме, количество отдельных сцен общения меньше.

В представлении речи персонажей оппозиция «изображения» и «интерпретации» реализуется в том, что общение может быть передано с разной полнотой: как бы дословная «имитация» той сцены общения героев, которая разыгрывается перед мысленным взором автора, или сжатый пересказ речи героев, когда писатель уточняет и сжимает ее, убирает ненужные, по его мнению, детали.

Наиболее ярким примером «изображения» общения является прямая речь героев. Она ближе всего к «реальному» воплощению высказывания: оставляет впечатление подлинности и точности передачи слов героев, как на сцене. Однако автор может сжать часть реплик героев, передать только главное и важное. В такой свернутой речи обмен репликами более или менее сокращен и в той или иной мере интерпретирован. Средствами интерпретации являются: 1) более или менее сжатый пересказ диктального содержания реплик, 2) экспликация модуса путем раскрытия иллюкуции реплики. Основанием для выделения фрагмента свернутой речи является наличие глагола речи или его контекстуального синонима и синтаксически зависимой группы, передающей содержание речи, например, *As they [the pirates] got into their boats, after an hour's stay, we were invited to join them in the raid with the assurance of "the more the merrier"* (Lond III-1, 1104)¹ «Когда они [пираты] сели в свои лодки, после часового пребывания, нам предложили присоединиться к ним в набеге, с уверениями, что «чем больше [людей], тем веселее». Называется иллюкуция (*were invited, with the assurance*) и передается содержание речи героев (*to join them in the raid*), причем в изложение «для правдоподобия рассказа» вставлено несколько как бы «подлинных слов» пиратов (*"the more the merrier"*).

Для повествователя речь персонажей является своего рода вкраплениями чужого дискурса в собственный нарративный, или как писал М. М. Бахтин, это «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [1, с. 113].

В рассказе большая роль отводится повествователю, или рассказчику. В истории литературы сложились две основные формы повествования: 1) «объективный» «всеведущий» третьеличный рассказчик, 2) герой-рассказчик, или перволичный повествователь. В. Шмид предлагает противопоставлять диегетического и недиегетического нарраторов [2, с. 82]. К. Н. Атарова и Г. А. Лесскис замечают: «В IIIф. наличие автора-творца,

¹ При цитировании исследуемых произведений в скобках после цитаты приводится сокращенно фамилия автора, затем римская цифра указывает на порядковый номер рассказа в данном корпусе произведений данного автора по хронологии написания, а арабская цифра (1 или 3) указывает на лицо повествователя; и далее номер страницы по указанным изданиям: 1. *Курпин, А. И.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Рассказы. – Минск: Реликт, 1994: «К славе» – С. 47–76; «Тапер» – С. 214–225; «Болото» – С. 253–270; 2. *London, J.* The unabridged Jack London. – Philadelphia: Running Press, 1981: «To the man on trail» – P. 65–72; «The priestly prerogative» – P. 73–84; «The king of the Greeks» – P. 1090–1098; «A raid on the oyster pirates» – P. 1099–1107; «The siege of the "Lancashire Queen"» – P. 1108–1116; 3. *Пьецух, В. А.* Искусство существования: эссе, рассказы. – М.: ЭНАС, 2009: «Он никогда не сидел в тюрьме...» – С. 169–178; «Дачники» – С. 178–189; «Авель и сыновья» – С. 189–197; *Пьецух, В. А.* Я и прочее. Циклы, рассказы, повести, роман. – М.: Худож. лит., 1990: «Анамнез и Эпикриз» – С. 125–150; 4. *Lahiri, J.* Interpreter of maladies. – London: Flamingo, 1999: «Interpreter of maladies» – P. 43–69; «The third and final continent» – P. 173–198; «Mrs. Sen's» – P. 111–135.

стоящего над персонажами, предполагает объективность изложения материала, в отличие от *I*ф., где повествователь – свидетель и участник событий – имеет свой субъективный взгляд на происходящее, оказывается необходимо пристрастным, как всякий заинтересованный человек» [3, с. 34].

Одним из факторов, влияющих на объем представления коммуникации, является хронотоп, т.е. система пространственно-временной повествуемой реальности. М. М. Бахтин называет хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [4, с. 234]. В рассказе повествовательный хронотоп сконцентрирован на узком промежутке времени и пространства, а количество персонажей обычно меньше, чем в романе или повести.

Поскольку важно было охарактеризовать относительный объем прямой (без учета авторских сопровождений) и свернутой речи и коммуникации в сопоставлении с нарративом в целом, то для каждого рассказа было вычислено процентное соотношение представления речи к общему объему произведения в знаках (количество знаков с пробелами из расчета 40 000 знаков на 1 печатный лист). Также были посчитаны сцены общения и говорящие. Полученные данные об объеме, занимаемом прямой и свернутой речью в ткани произведения, представлены в таблице.

Таблица

Относительный объем фрагментов, передающих межличностную коммуникацию, в языковой ткани произведения

Условные сокращения рассказов	Название рассказов и год написания	Число сцен, число говорящих	Объем произведения в печатных листах	Объем прямой речи (А), %	Объем фрагментов свернутой речи (Б), %	Отношение А:Б.	Суммарный процент фрагментов, передающих коммуникацию
Купр I-1	«К славе» (1894)	19, 19	1,55	20,6	7,0	2,9	27,6
Купр II-3	«Тапер» (1900)	13, 14	0,61	16,3	4,9	3,3	21,2
Купр III-3	«Болото» (1902)	6, 7	0,90	26,6	1,1	24,1	27,7
Lond I-3	«To the man on trail» [‘За человека в пути’] (1898)	6, 11	0,43	34,8	4,6	7,5	39,4
Lond II-3	«The priestly prerogative» [‘Привилегия священника’] (1899)	9, 9	0,63	31,7	1,5	21,1	33,2
Lond III-1	«The king of the Greeks» [‘Король греков’] (1902)	15, 6	0,51	11,7	3,9	3	15,6

Lond IV-1	«A raid on the oyster pirates» [‘Набег на устричных пиратов’] (1902)	17, 13	0,52	21,1	3,8	5,5	24,9
Lond-V-1	«The siege of the “Lancashire Queen”» [‘Осада «Ланкаширской королевы»’] (1903)	11, 9	0,54	7,4	3,7	2	11,1
Пьец I-3	«Он никогда не сидел в тюрьме...» (1989)	9, 4	0,40	10	2,5	4	12,5
Пьец II-1	«Анамнез и Эпикриз» (1989)	15, 11	1,31	42,7	1,5	28,4	44,2
Пьец III-3	«Дачники» (2001)	4, 8	0,45	44,4	0,4	111	44,8
Пьец IV-3	«Авель и сыновья» (2001)	8, 9	0,41	12,1	2,4	5	14,5
Lah I-3	«Interpreter of maladies» [‘Толкователь болезней’] (1999)	12, 6	1,14	17,5	8,7	2	26,2
Lah II-1	«The third and final continent» [‘Третий и последний континент’] (1999)	19, 5	1,08	8,3	4,6	1,8	12,9
Lah III-3	«Mrs. Sen’s» [‘Миссис Сен’] (1999)	35, 10	1,07	14,9	5,6	2,6	20,5

Наибольший объем прямой речи отмечен в произведении «Дачники» (44,4 %). В этом тексте – и самый низкий процент удельного веса свернутой речи (0,4 %). «Объективный» рассказчик, выступающий как «беспристрастный хроникер и судья» [3, с. 38], передает межличностное общение персонажей, оценивая и информативно передавая в сжатой форме моменты коммуникации. В произведении представлен вечерний спор дачников. Наименьший объем прямой речи – в «The siege of the “Lancashire Queen”» (7,4 %), который являет собой рассказ участника событий, разворачивающихся в бухте Сан-Франциско между браконьерами и патрульными. Скупые реплики даны как средство изображения и конкретизации ключевых и поворотных событий сюжета.

Наибольший объем свернутой речи зафиксирован в «Interpreter of maladies» (8,7 %). При представлении общения в таком виде автор убирает массу подробностей: мы не можем знать о том, как долго «реально» мог развиваться и длиться тот или иной разговор, который передает автор в своем пересказе. К тому же большой удельный вес свернутой речи указывает на стремление автора придать рассказу ускорение и динамизм.

Наибольший объем прямой и свернутой речи наблюдается в рассказах, написанных от 3-го лица. Это объясняется существованием рассказчика в позиции наблюдателя, когда он дистанцирован от повествовательного мира и может объективно излагать события, т.е. в более или менее полной мере изображать своих героев.

Во всех произведениях объем прямой речи превышает объем свернутой минимум в 1,8 раза («The third and final continent») до максимума – в 111 раз («Дачники»). При представлении коммуникации автор дает слово своим героям, тем самым он «изображает» их речь и общение.

В тех рассказах, где коммуникация присутствует в большем объеме, в основном, меньшее количество сцен общения: четыре («Дачники») и шесть («To the man on trail»). Сюжеты этих рассказов охватывают события, происходящие в настоящем, описываемом времени, в едином конкретном пространстве: на веранде у жителей дачного поселка и в доме Кида. Действие рассказов во многом продвигается с помощью полилогов героев.

В рассказах, которые более нарративны, т.е. имеющие низкий суммарный процент фрагментов, передающих коммуникацию, сюжет строится на описании событий, протяженных во времени и пространстве. Например, герой-рассказчик описывает те события, которые происходили в его далеком прошлом еще до приезда в Америку, повествует про жизнь до и после приезда жены («The third and final continent»), т.е. истории как далекого прошлого, прошлого-повествуемого, так и настоящего.

Таким образом, факторами, определяющими пропорции прямой и свернутой речи персонажей в языковой ткани произведения, являются формы повествования, количество сцен общения и особенности сюжета. Реплики прямой речи позволяют «изобразить» общение героев, а свернутая речь в большинстве случаев «интерпретирует» коммуникацию. Во многом прямая речь служит движущей силой сюжета. Свернутая же речь делает повествование более динамичным, хотя и менее «живым» и сценичным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волошинов, В. Н.* [Бахтин М. М.] Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. – Л. : Прибой, 1930. – 157 с.
2. *Шмид, В.* Нарратология / В. Шмид. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2008. – 304 с.
3. *Атарова, К. Н.* Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 33–46.
4. *Бахтин, М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике (1937–1938) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.

On the basis of American and Russian short stories, the author of the article identifies the main factors, which determine the proportions of the direct and compressed speech of the characters in literary texts. Among them there are the forms of narration (1st and 3^d person), configurations of time and space in the texts, quantity of scenes of communication and heroes, the plot. The representation of speech is analyzed regarding the depiction and interpretation opposition (as two contrasting ways of representation of reality in a literary text).